

«Без Бога нет хорошей жизни...»

Судьба священника из Новосёлков

История только тогда может нас по-настоящему заинтересовать, когда она из хроники, из сухого перечня событий превращается в вереницу живых лиц. Но как мало мы знаем о людях, живших рядом с нами! Как быстро о них забываем! Одно из имён, навсегда связанных с историей нашего лопасненского края, мне по-особому дорого.

История в лицах

Однажды Александр Иванович Волков, интересный поэт и человек, принёс мне скромную потрёпанную книжечку. Листочки, на которых на машинке бледно, под копирку был напечатан текст, кто-то не очень умело, но заботливо переплёл.

- Эти воспоминания подарил моей матери, Софье Васильевне Волковой, священник из Новосёлков, - объяснил Александр Иванович. - Они дружили. Он передал их за неделю до кончины и завещал прочитать рукопись только после его смерти.

Я не удивилась тому, что воспоминания попали именно к этой женщине. Софья Васильевна была известным в городе врачом, но мало кто знал, что она была образованнейшим человеком, до революции училась в Париже. Священник из Новосёлков об этом знал.

Я, отложив все дела, сразу принялась за чтение воспоминаний отца Вениамина, написанных давно, в 1959 году (тогда же начал работать над «Архипелагом ГУЛАГом» и Солженицын). Невозможно было оторваться от затёртых страниц, сохранивших простой и высоко духовный рассказ.

Вспомнилось, как 14-летней девочкой на Пасху я пошла с друзьями-одноклассниками в Новосёлки, в Успенский храм. Тогда служил там отец Вениамин. Храм был оцеплен милиционерами, которые не пропускали молодёжь. И только чудом мы попали на пасхальную службу. За нас вступилась незнакомая старушка: «Это мои внуки», - сказала она, отстранив милиционера. Помню своё впечатление от истинно праздничной и доброжелательной атмосферы в храме. Но на другой день моего отца вызвали в райком. Предупредили, что поступила жалоба: «Дочь директора музея была в церкви...» Не просто тогда жилось и священнику, и его общине.

Словом, судьба автора мемуарных записок не просто потрясла, но и помогла многие события выстроить в один логический ряд.

Учитель

Вениамин Дмитриевич Малинин родился 15 октября 1892 года в селе Рождествено Подольского уезда Московской губернии. О родителях он сообщил в воспоминаниях немного. Главное, что они научили сына вере в Бога, которая помогла ему выжить в нечеловеческих условиях.

Рассказывал, как однажды в тихие 1910-е годы ехал с отцом в телеге. С юношеским апломбом Вениамин заявил тогда отцу:

- Папа, был политеизм, теперь - монотеизм, а будет атеизм. Учёные доказывают, что именно таков путь человечества.

- погоди, сынок, поживёшь и увидишь, что без Бога нет хорошей жизни, - только и ответил ему отец. Это слова Вениамин Малинин не раз вспоминал в лагере.

А пока юноша из небогатой, но вполне благополучной семьи слушал лекции в Московском университете, окончил Педагогический институт. В послереволюционные годы жил в Твери (тогда ее переименовали в Калинин), преподавал. Позже корил себя за то, что мало ценил спокойные дореволюционные годы, что восхищался политическими переменами, которые принесла революция. То, что произошло дальше, - раскулачивание самых трудолюбивых людей в деревнях, разрушение храмов, официальный грабёж, которым занимались «власти на местах», - его ужасало. Но противником советской власти Вениамин Малинин себя не считал. Он, как и тысячи его соотечественников, пытался разглядеть хорошее в противоречиях новой жизни.

Он работал в школе, преподавал в Тверском педагогическом институте, вкладывал в своё дело всю душу. Ценил семью, где подрастала дочь. Собирал книги, составив хорошую библиотеку. Ученики его уважали – он был очень тактичен с ними. Они были поражены тем, что любимого учителя арестовали.

Арест и приговор

Арест стал совершенной неожиданностью и для самого Вениамина Малинина. Через два дня после начала Великой Отечественной войны, когда все его мысли были заняты положением на фронте, ранним утром 24 июня раздался звук в дверь. Произвели

обыск, который ничего не дал. Дозволили проститься с женой и дочерью и повели в тюрьму, не говоря ни слова о причинах ареста. В полуподвальной камере у филолога Малинина возникли историко-литературные ассоциации. Он вспоминал арестованных декабристов, Чернышевского, Кропоткина: «Так вот как они сидели в тюрьмах! Вот что они могли переживать! Интересно, как повторяются исторические события в их ничтожнейших деталях, только в обратном порядке: за что они боролись, на то мы и напоролись!»

Кто-то из сокамерников выглядел таким же, как и он, растерянным, а кто-то, как например, врангелевский офицер, по амнистии вернувшийся на Родину и уже не раз сидевший в тюрьме, делился своим печальным опытом. Начались допросы, на которых было невозможно доказать абсурдность обвинений.

В каких же «государственных преступлениях» обвинили уважаемого учителя? Первое «преступление»: на уроке литературы, говоря о стилистических ошибках, он привел в пример анекдотические объявления: «Пошивка обуви для маленьких детей из кожи их родителей» (прочитал на дверях сапожной мастерской); «Керосину нет и неизвестно» (в керосиновой лавке). Эти его слова расценили как подрыв советской власти. Второе «преступление» было таково. Разбирая на уроке стихотворение Маяковского «На смерть поэта», учитель упомянул о широко известном факте: за смертью Есенина последовала череда самоубийств его молодых поклонников. Но решающим стало третье обвинение. Во время октябрьской демонстрации 1940 года учителя остановились рядом с памятником Ленину. Шутили насчёт позы вождя: тот стоял к Волге задом, сжав руки в кулаки. Старик-учитель прошептал: «Молчите, дураки!» У Малинина, забывшего поговорку новых времен «язык до лагеря доведёт», - мгновенно родилась эпиграмма:

Повернувшись к Волге задом,

Руки сжавши в кулаки,

Смотрит Ленин хмурым взглядом,

Как проходят дураки!

21 июля состоялся суд. В этот день был праздник Божией Матери в честь Казанской Её иконы, и арестованный, проснувшись рано утром, по обыкновению, помолился в уме Богу. Часов в 10 вывели из тюрьмы и повели на суд - «скорый», но не «милостивый». Кое-что спросили для отвода глаз и тут же зачитали приговор, заранее

приготовленный: по ст. 58, п. 10, ч. 1 УК - высшая мера наказания: десять лет тюрьмы и пять лет поражения в правах.

После суда. Тюремное прозрение

С момента ареста человек превращался в «пылинку, завертевшуюся в кошмаре событий». А после суда он уже конкретизировался как гражданин своей Родины, правда, с одним лишь правом: знать на десять лет вперёд свой приговор.

В мемуарах мы читаем о камере-одиночке, где люди теряли счёт времени. Не было даже дневного света – лишь на потолке тускло горела лампочка. Ни шума, ни шагов по коридору. Ни дня, ни ночи - всё одно. Вот тогда-то и понял на опыте, что время определяется в его конкретности только по наблюдению за каким-нибудь движением. Вспоминались слова Библии: *«И сказал Бог: да будет свет. И стал свет... и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один»* (Быт 1. 3—5).

Потом Малинина перевели в общую камеру, где была страшная теснота. Люди лежали вповалку на полу, плотно прижавшись друг к другу, невиновные вместе с заматерелыми преступниками. Воры и бандиты не стеснялись в подробностях своих походов, щеголяли своим жаргоном, насмехаясь и издеваясь над теми, кто не утратил своей интеллигентности. Ругань была везде и во всём. Матерщина процветала. Нужно было терпение и ещё раз терпение!

Ночью, страдая бессонницей, Малинин перебирал в уме детали ареста, следствия и суда. На память пришла одна из стихир великого повечерия:

Яко страшен суд Твой, Господи!

Ангелом предстоящим (наша охрана с винтовками)

Человеком вводимым (вот меня ввели на суд, в зал...)

Книгам разгибаемым (прокурор, судьи рылись в следственных делах...)

Делом испытуемым (допросы, каверзные вопросы...)

Помыслом истязуемым (что делал? где был? что говорил? кто твои товарищи?)

Кий суд будет мне, зачатоу во грехе? (какую статью преподнесут мне... вот тут подумай...)

Кто мне пламень угасит, Кто мне тьму просветит? (увы! люди - прокурор, свидетели - пламень не гасили, а лишь разжигали его... и будущее было беспросветно: десять лет

тюрьмы и пять лет поражения в правах...)

Аще не Ты, Господи, помилуеши мя, потому что Ты Человеколюбец!

Без сомнения, это взято из жизни - все эти образы, сравнения, метафоры - из опыта человеческого. Составлена стихира была более тысячи лет тому назад, по-видимому, человеком, пережившим всё это. Выходит, что во все времена от полного отчаяния всегда спасала только вера в Бога, утешала только пламенная молитва.

По этапу

Наконец однажды утром всех заключённых вывели под усиленным конвоем на двор, выстроили и повели к пристани. Посадили на баржу, и пароход потащился «вниз по матушке по Волге».

Погода стояла тёплая, сухая. После почти двухмесячного сидения в камерах, в спёртом воздухе, без солнца, в ужасной тесноте, люди наслаждались чистым речным воздухом, грелись под солнцем. Так длилось два дня. Наконец пристали к берегу, и после очередного, на этот раз трёхнедельного, пребывания в очередной тюрьме заключённых переправили в товарном запломбированном вагоне по железной дороге на Урал. Здесь им предстояло построить будущий город Североуральск и рудник, где добывали бокситы. За красный цвет руды его называли Красной Шапочкой.

Предстоял ещё тяжёлый переход по тайге. «Государственных преступников» охранял конвой, вооружённый винтовками и ручными пулемётами. Арестованные летом, они были одеты по-летнему легко, а гнали их в середине октября по непроходимым лужам. Если кто-то пытался грязь миновать, тут же раздавались щёлканье затвора и резкий окрик:

- Шаг вправо, шаг влево - стреляем!

Тревожной болью отдавались выстрелы сзади.

Быль про Красную Шапочку

Наконец, новые каторжники прибыли в лагерь, увидели колючую проволоку в несколько рядов, вышки по углам, бараки и парусиновые палатки. Двухэтажные нары, из которых заключённые выжигали лучинкой клопов, печка-временка, около неё стол - вот и вся обстановка. Одежд не было, спали на нарах по двое. Вшивую одежду соседа подстилали на нары, а вшивой одеждой нашего героя накрывались, лежали, тесно

прижавшись друг к другу, чтобы сохранить тепло. Бороды и волосы у некоторых сделались сивыми от множества вшей. По всем швам одежды шли белые полоски - это тоже были вши. Уничтожать их не было никакой возможности. А валенки и вещмешки клали под голову, чтобы не украли.

К этому времени уголовники уже отобрали у политических лучшие вещи. Малинину повезло: накануне этапирования заключённых на Урал дочь успела прислать ему тёплую одежду, и это спасло ему жизнь.

Мрачные картины рисует мемуарист. Лесоповал, корчёвка пней, земляные работы по сооружению насыпи для железной дороги, укладка шпал. Наиболее крепких молодых людей и сугубо опасных заключённых под усиленной охраной отправляли в шахту на добычу руды. Обстановка там была ещё более ужасной. Для того, чтобы хоть пару недель передохнуть, некоторые наносили себе увечья – обваривали себя кипятком, продевали сквозь кожу нитку, смоченную керосином, отчего на теле появлялись нарывы. Многие сами были готовы призывать к себе смерть, чтобы не ходить на изнурительные работы. Для этого они проглатывали небольшие кусочки мыла, вызывая тем самым кровавый понос, отчего умирали. Некоторые чернильным химическим карандашом окрашивали себе зрачки глаз, что приводило к слепоте. В одно время на каторге распространилось поветрие - употреблять очень большое количество поваренной соли, вызывая у себя сильную жажду. У человека начиналась водянка, а с нею приходила и смерть.

Усугублял трудное положение репрессированных постоянный голод. О баланде, которой их кормили, один из шутников говорил: «Волга-матушка, как ты широка и глубока, одна вода!»

Перерождение

Одна из глав мемуаров Вениамина Малинина называется «Перерождение». Он рассказал, как знакомство с советской «гильотиной» отрезвило его, заставило вернуться к вере, к пламенной, подкрепляющей молитве. Малинина, которому было уже 49 лет, не посылали на лесоповал – ему поручались работы «полегче»: он был могильщиком (в лагере ежедневно умирало по десять человек), чистил уборные, был рабочим на кухне, дневальным в бараке. Но однажды и им от беспросветности лагерной жизни, от всего пережитого, неизвестности будущего, монотонности, однообразия настоящего (а сидеть ещё оставалось много - семь лет!) овладело такое страшное отчаяние, что он припас верёвку для самоубийства. Так заканчивали жизнь в лагере очень многие. Его спасли

выплывшие из памяти слова апостола Павла: «Всегда радуйтесь, всегда веселитесь о Господе!» «Боже мой, - пишет бывший учитель и будущий священник, - как они, эти слова, вдохновили меня! Как перевернулось моё мышление! Взглянул я с радостью на свет Божий, на солнце, вздохнул полной грудью! Всё во мне перевернулось, бросил верёвку в печку, сжёг её, и опять стало радостно и весело! Слава Тебе, Господи!»

Вспоминает отец Вениамин о том, как лагерная жизнь возвращала людей к Богу, как каялись умирающие.

- Господи, ещё сильнее, ещё больнее, только прости! - твердил один из них, умирая от рака и впадая от боли в обморочное состояние. Оказалось, что на воле он был отъявленным богоборцем, разрушал храмы, проводил атеистические лекции и только в лагере понял свои заблуждения. Кающийся грешник умер в пасхальную утреню, когда смерть считается благоволением Божиим.

«Стану священником»

И до конца своих дней, уже став священником, отец Вениамин благодарил Бога за эти испытания и страдания, которые он пережил. «Ведь возможно, - размышлял он, - если бы не было этой перемены жизни, было бы ещё хуже, и я бы погиб от голода, болезней, бомбардировок и т. д. и не мог бы ощущать видимый мною мир. Я за каждое мгновение моей жизни, вдоха моей груди, трепетания моего сердца благодарю Его, моего Создателя Бога. Только Он направляет нашу жизнь по определённой пути, нам неизвестному».

Более того, вспоминая горести и страдания, унижения, отец Вениамин говорит о них жизнеутверждающе! Многим оказавшимся за колючей проволокой тяжело - и даже не столько оттого, что порой приходилось спать, прижавшись к трупу, или получать побои от бандитов. Гораздо тяжелее было осознавать, что в родных краях хозяйничают фашисты, а мужчины, способные взять оружие, в это время томятся в плену. Тяготила неизвестность о судьбе близких – где они, голодают, болеют – живы ли вообще? «Угнетала мысль о том, - пишет отец Вениамин, - что вместо героизма, который мы могли бы проявить на воле в борьбе с немцами, здесь мы вели жалкое моральное существование, копошились (это точно почти в буквальном смысле этого слова), как черви в грязной помойной яме. Однако многие из моих товарищей проявляли героизм в этой маленькой, но всё же бурлящей жизни. Мы (следовательно, и я) провели железную дорогу, построили город Краснотурьинск, построили огромный алюминиевый завод, в шахтах добывали руду - словом, каждый был на своём месте».

Так прошли в разных лагерях десять лет. Мудрый человек перестал бояться страданий, видя в них лишь очистительное пламя. После освобождения он выполнил обет, данный в лагере: «Если останусь жив, стану священником».

Незабываемый батюшка

За алтарём храма Успения Пресвятой Богородицы, что в Новосёлках, - а храм этот особенный, намоленный, не закрывавшийся в советские годы, - скромная могила. Здесь похоронен протоиерей Вениамин Малинин. Служил он в Успенском храме долго. И годы его служения пришлись на трудные для церкви советские годы. Умер настоятель Успенского храма на Успение - 28 августа 1978 года.

Сейчас только самые древние прихожанки новосёлковского храма помнят об отце Вениамине - поминают его в своих записках. Рассказывают, что жил священник одиноко. Единственная дочь с ним не общалась. Кто осудит женщину, которая не смогла пойти против общественного мнения? Такой духовный подвиг могли свершить только столпы веры. Такие, как отец Вениамин. Он принадлежал к людям, которые пронесли огонь веры через годы гонений, сохранили её для будущих поколений.

Когда в моей жизни происходит что-то тяжёлое, я прихожу молиться на его могилку. Отец Вениамин помогает!

Ольга Авдеева

Полностью прочитать воспоминания Вениамина Малинина можно на сайте журнала Московской патриархии: http://www.wco.ru/biblio/books/kalendar2006_08/main.htm